

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Кустовой Виктории Викторовны «Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Диссертационное исследование В.В. Кустовой представляет собой научно-квалификационную работу, которая содержит отличающиеся новизной, теоретическим и прикладным значением результаты оригинального авторского исследования актуальной уголовно-правовой проблемы противодействия финансированию преступной деятельности.

Актуальность диссертации определяется комплексом значимых факторов социального и правового свойства.

Прежде всего, важно отметить что в современных условиях финансирование преступлений из незаметного занятия, которое ранее находилось на периферии интересов собственно криминального мира, превратилось, с одной стороны, в высокодоходную деятельность, которая приносит существенные материальные и нематериальные дивиденды своим акторам, а с другой стороны, в знаковый элемент механизма самовоспроизводства преступности, ее диверсификации и экспансии в самые разнообразные сферы общественных отношений и социальной жизни. Без надлежащего финансирования, в том числе инвестиционного свойства, сегодня сложно представить функционирование сложноорганизованных преступных групп, в том числе террористических и экстремистских, транснациональный оборот запрещенных предметов и товаров, опасные виды незаконного предпринимательства, мошенничество и многие иные, приносящие существенный вред, виды преступных практик. Строго следуя

судьбе финансирования в легальном экономическом обороте, финансирование в области преступности служит его зеркальным отражением и уверенно завоевывает позиции, обеспечивающие этой криминальной практике привилегированное положение, выводя ее из области вспомогательной и обеспечительной, в разряд едва ли не «беловоротничковой».

Такие криминальные трансформации закономерно вызывают реакцию со стороны международного правоохранительного сообщества и отечественного законодателя, усилиями которых разрабатываются и внедряются в ткань Уголовного кодекса разнообразные средства противодействия финансированию преступлений. В качестве таковых сегодня активно используются: институт соучастия, дрейфующий в сторону охвата финансирования действиями пособника или организатора; самостоятельная криминализация финансирования преступной деятельности как особого вида преступления; институт конфискации предметов и средств, предназначенных для финансирования преступлений.

Однако, эти вполне целесообразные и оправданные средства зачастую вступают в явную или скрытую конфронтацию с устоявшимися доктринальными представлениями о стандартах уголовно-правовой оценки финансирования преступлений, что порождает в достаточной мере ощутимые противоречия и недостатки уголовно-правового регулирования.

Автор диссертации на первых страницах своей работы предельно четко их обозначает. Это – «отсутствие единой нормативной концепции противодействия финансированию преступлений, различия в подходах к криминализации и наказуемости данной деятельности, одновременное дублирование и пробельность закона, отсутствие устоявшейся судебной практики квалификации преступлений, нормативная недостаточность регламентации конфискации имущества» (с. 4 – 5).

Именно ими совершенно справедливо диссертант аргументирует актуальность избранной темы. Подтверждая обоснованность выбора и

актуальность темы, сошлемся также на текущее состояние отечественной юридической науки, в которой, насколько можно судить, не представлено ни одного крупного монографического научного сочинения, в котором освещался бы целостный комплекс вопросов, связанных с уголовно-правовой оценкой феномена финансирования преступлений.

Как следствие (и здесь автор диссертации также прав), за рамками анализа остались вопросы, без разрешения которых создание целостной теоретической концепции ответственности за финансирование преступлений вряд ли возможно: понятие и систематизация преступлений, связанных с финансированием, возможности и пределы оценки данного вида деятельности с точки зрения института соучастия в преступлении, основания самостоятельной криминализации финансирования преступлений, адекватность и соразмерность санкций за это деяние (с. 6).

Оппонируемая диссертация, таким образом, служит первой и, причем, достаточно удачной попыткой научного осмысления этих проблемы. Грамотный выбор темы диссертации, четкое обоснование ее предмета и границ научного поиска, позволили автору сосредоточиться на таких направлениях ее анализа, которые до настоящего времени оставались на периферии исследовательских интересов специалистов. В итоге, на суд общественности представлен целый ряд новых и весьма тщательно аргументированных суждений, значительно расширяющих пределы познанного в области уголовно-правовой оценки финансирования преступной деятельности.

Новизна диссертации определена, как уже отмечено, авторским подходом к выбору основных направлений юридического анализа проблемы ответственности за финансирование преступной деятельности, которые включают в себя не отраженные в современной литературе аспекты, связанные с разработкой механизма уголовно-правового противодействия этому социальному явлению.

В частности, в работе:

- дана дифференцированная оценка уголовно-правовых подходов к оценке финансирования как объекта охраны и содержания запрещаемой деятельности (с. 21 – 22), как действий по предоставлению средств к легальной и нелегальной практике (с. 24);

- установлена система уголовно-правовых норм, охватывающих своим содержанием финансирование преступлений и позволяющая дать этой деятельности надлежащую оценку (с. 25 – 26);

- сформулировано понятие финансирования преступлений (с. 26) и раскрыто содержание характеризующих его признаков общественной опасности, уголовной противоправности и виновности (с. 27 – 31);

- выявлены исторические закономерности нормативного отражения общественной опасности финансирования преступлений в уголовном законодательстве в зависимости от уровня сформированности института соучастия и степени развития денежных отношений в стране (с. 34 – 36); связь востребованности криминального финансирования с уровнем организации и состоянием самой преступности (с. 39 – 40);

- на материале истории науки и законодательства доказан компромиссный характер самостоятельной криминализации финансирования преступлений как выражения дискуссии о степени общественной опасности пособнических действий (с. 52);

- установлены особенности криминализации финансирования преступной деятельности в странах, относящихся к различным правовым семьям, в зависимости от традиций уголовно-правовой оценки пособничества и групповой преступной деятельности, соотношения аксессуарных начал и начал самостоятельной ответственности соучастников (с. 63, 67, 71 – 72, 75, 79 – 80);

- проведен сравнительный анализ норм зарубежного права в контексте соблюдения международных обязательств по противодействию финансированию терроризма (с. 88 – 89);

- доказана неэффективность и нецелесообразность конструирования единой, общей нормы об ответственности за финансирование преступлений (с. 93);

- установлены преимущества криминализации финансирования преступной деятельности в качестве самостоятельного преступления на уровне отдельной статьи закона (с. 95);

- выявлены и проанализированы элементы, образующие в своей совокупности основания для уголовно-правовой оценки финансирования: предмет финансирования (с. 99 – 101); действия по финансированию (с. 103 – 105); соотношение финансирования преступлений с иными преступлениями (с. 106 – 110); цель действий виновного (с. 112, 114), юридический момент их окончания (с. 117)

- аргументированы различия в оценке действий по финансированию преступлений с позиции учения о формах соучастия в преступлении (с. 121); доказана возможность потенциальной оценки финансирования преступлений как организации, подстрекательства и пособничества (с. 122, 132, 138, 141, 148 - 150), проведено отличие финансирования как соучастия от иных соучастных действий, связанных с непосредственной передачей денежных средств (с. 126 – 127);

- проанализирована наказательная практика за преступления, связанные с финансированием с позиций соблюдения требований соразмерности и адекватности (с. 161); выявлены и оценены закономерности и просчеты в конструировании санкций за исследуемые преступления (с. 158, 162 – 164);

- доказаны перспективы использования института конфискации для противодействия финансированию преступной деятельности (с. 166, 169).

Эти и ряд иных положений диссертации четко артикулированы, тщательно аргументированы, основаны на результатах проведенных исследований, критически оценены по сравнению с представленными в литературе суждениями по этой и близкой тематике. В частности, авторские

рассуждения о месте финансирования в структуре видов соучастных действий отличаются от идей В.П. Алехина; предложения о квалификации финансирования преступления как пособничества отличаются от выводов В.Г. Мирзоян и И.О. Кошевого; положения об особенностях объективной стороны финансирования-подстрекательства не совпадают с аргументами Н.С. Таганцева; трактовка признаков субъективной стороны финансирования терроризма отличается от рассуждений В.В. Ульяновой; выводы о возможностях применения конфискации существенно разнятся от идей Н.А. Лопашенко и т.д.

В целом, можно констатировать, что в диссертации представлена оригинальная авторская концепция уголовно-правового противодействия финансированию преступной деятельности, которая своим содержанием охватывает все основные аспекты заявленной темы: историко-правовой, сравнительно-правовой, догматический, уголовно-политический.

Обоснованность и достоверность научных положений, сформулированных в диссертации, определяется качеством и объемом источников первичной научной информации, использованием апробированного научно-методического аппарата, внутренней непротиворечивостью представленных в диссертации суждений, согласием теоретических выводов автора с эмпирическими данными документального и социологического анализа, базированием авторских рассуждений на строго доказанных и корректно используемых выводах фундаментальных и прикладных наук (философии, общей теории права и государства, уголовной политики, социологии права и др.), согласованностью новых результатов работы с иными независимыми источниками по теме диссертации.

Работа представляет собой логически последовательное и завершенное, композиционно целостное научное сочинение, которое органично сочетает в себе результаты комплекса проведенных лично автором исследований:

- формально-логического анализа нормативных правовых актов, в том числе под углом зрения их соответствия международным обязательствам по

противодействию финансированию преступлений и конституционным предписаниям о соразмерности и адекватности уголовной ответственности параметрам общественно опасного деяния;

- критического анализа значительно массива отечественных и зарубежных литературных источников по теме диссертации;

- социологического анализа профессионального мнения представителей экспертного сообщества о качестве и эффективности уголовно-правовых средств противодействия финансированию преступлений;

- документального анализа материалов судебной практики по уголовным делам;

- сравнительно-правового анализа зарубежного опыта законодательной регламентации ответственности за финансирование преступлений.

В основе диссертации – оправданный и многократно доказавший свою эффективность диалектический метод познания. Автор опирается на принципы историзма, всесторонности, объективности, конкретности истины, связи теории и практики, что придает работе в целом и ее результатам необходимые свойства научной истины. В целом выбор методов и методик научного анализа адекватен поставленным в диссертации задачам и характеру источников первичной научной информации. Избранный автором подход к сбору и обработке источников научной информации, к общей организации исследования и определению его логики, к апробации промежуточных выводов обеспечивает не только результативность анализа, но и высокое качество представленных в диссертации суждений, их достоверность.

Значение диссертации для уголовно-правовой теории и практики заключается в том, что ее результаты существенно развивают сложившееся учение о соучастии в преступлении, учение об ответственности за преступления против общественной и государственной безопасности, учение о наказании и иных мерах уголовно-правового характера. Выводы и предложения диссертанта могут быть использованы в правотворческой

деятельности при совершенствовании уголовного законодательства, обеспечивающего противодействия финансированию преступной деятельности; в работе сотрудников правоприменительных органов при квалификации преступлений экстремистского и террористического характера; в учебном процессе подготовки специалистов по направлению «юриспруденция» в высших учебных заведениях.

Положительно оценивая проведенное В.В. Кустовой исследование, отмечу все же, что отдельные положения работы вызывают критическую оценку и могут стать основанием для дискуссии с автором.

1. Поддерживая разработанный соискателем широкий подход к пониманию связи финансирования и преступления, а также относительно широкую трактовку самого понятия «финансирование» (как предоставление средств), нельзя не отметить, что при этом по непонятным причинам за рамками исследования остался целый ряд преступных деяний, которые содержат в себе элемент предоставления средств. Речь идет о подкупе. Это и подкуп как способ вовлечения несовершеннолетних в преступления, и подкуп должностных лиц в целях совершения ими преступлений, и т.д. Полагаю, что соответствующие пояснения авторской позиции и оговорки относительно выбора норм для анализа были бы здесь необходимы.

2. Представляется, что в диссертации не в полной мере реализован собственный авторский подход к определению понятия «финансирование преступления». В частности, соискатель обошел стороной вопрос об оценке аккумулирования денежных средств в целях их последующего предоставления в целях совершения преступлений (конструкция «приготовления к приготовлению» и возможности ее использования для оценки приготовления к финансированию как к самостоятельному преступлению). Без должной оценки остались и возможности дифференциации ответственности за инвестирование в преступление, то есть за действия, связанные с получением выгоды от вложения денег в преступную деятельность.

3. Также без должного анализа осталось предложение автора «обсудить вопрос» о криминализации финансирования отдельных видов преступлений, в частности, оборота наркотических средств, контрабанды и организации занятия проституцией. Во-первых, такого рода предложения вряд ли могут претендовать на статус положения, выносимого на защиту. Это, скорее, призыв к исследованию, нежели его результат. Во-вторых, при детальном рассмотрении вопроса возникает ряд серьезных препятствий к реализации идеи такой криминализации. Дело в том, что оборот наркотиков и проституция – действия, которые всегда предполагают наличие вознаграждения со стороны потребителя соответствующих товаров и услуг. Такое вознаграждение – суть и есть финансирование, или по крайней мере, близкое к нему по своей природе действие. Соответственно, вопрос о криминализации финансирования этих преступления непосредственно связан с вопросом о криминализации потребления наркотиков и пользования услугами проституток. Автор же не углубляется в их анализ, что в целом придает высказанному предложению ощущение недостаточной аргументированности.

4. Вызывают возражения некоторые рекомендации автора в части квалификации исследуемых деликтов. Так, соискатель предлагает квалифицировать как подстрекательство «публичное обещание награды любому, кто совершит то или иное конкретное преступление». Однако в такой ситуации, как представляется, отсутствует необходимый для конструкции подстрекательства элемент воздействия «подстрекателя» непосредственно на сознание и волю конкретного лица. Далее, автор считает, что финансирование совершаемое членами организованной группы, стоит квалифицировать как исполнение преступления. В целом этот подход основан на устоявшихся представлениях о квалификации действий членов организованных групп. Но стоит заметить, что в данном случае речь идет, по сути, о финансировании собственной преступной деятельности, которая по мнению самого автора, не может получить самостоятельной правовой

оценки. Если член организованной группы предоставляет своим соучастникам денежные средства для совершения преступления, но при этом сам непосредственно не участвует в его совершении, вопрос о возможности признания его исполнителем этого преступления, а затем и вопрос отграничения участия в группе от совершения преступления в составе группы, приобретает особую сложность. И, как думается, не может быть решен столь однозначно, как предлагает соискатель.

5. Критическую оценку вызывает и предложение автора в части расширения возможностей применения института конфискации. В работе указано, что к лицам, осужденным в том числе по ст. 158, 163, 171 УК РФ, может быть применена конфискация в случае, если доказано, что полученное субъектом имущество предназначалось для финансирования терроризма или экстремизма. Однако закон не содержит возможности конфискации имущества, которое выступило предметом хищения, на том простом основании, что у него имеется законный собственник. К тому, реализуя предложение автора, совершенно не ясно, как в рамках следствия по делу о хищении установить цель последующего использования похищаемого имущества, предназначенность его для финансирования терроризма. Такая цель должна быть соотнесена с конкретными действиями виновного по поддержке террористов, экстремистов, членов преступных сообществ. Но это уже иной предмет доказывания.

Отмеченные положения работы, по большей части, имеют характер дискуссионных или просто недостаточно проработанных положений и не снижают качества иных, сформулированных в диссертации выводов и рекомендаций. На основании изучения текста диссертации, автореферата и научных трудов соискателя можно заключить:

1. Диссертация Виктории Викторовны Кустовой написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку; работа не

содержит некорректных заимствований, автор всегда ссылается на источник используемой информации (п. 10, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 02 августа 2016 г.).

2. Научные труды Виктории Викторовны Кустовой (семь статей) в полной мере отражают основные положения ее диссертации, публикации включают в себя достаточное количество статей (три) в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки для опубликования основных положений кандидатских диссертаций (п. 11, 13 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 02 августа 2016 г.).

3. Диссертация Виктории Викторовны Кустовой представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для уголовно-правовой науки; она соответствует критериям, установленным ч. 2 п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 02 августа 2016 г.).

4. Автор диссертации – Виктория Викторовна Кустова – заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки).

24 октября 2016 года

Пудовочкин Юрий Евгеньевич,
заведующий отделом уголовно-правовых исследований Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук (специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; юридические науки), профессор (по кафедре уголовного права)

контакты: 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская д. 69, каб. 504,
тел.: 8-495-332-51-92, e-mail: 1108197@list.ru